

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ В БЕЛОМ КРЫМУ В 1920 Г.

В.Ж. Цветков

Московский педагогический государственный университет
115571 Россия, Москва, Пр. Вернадского, 88
tsvetcov@rambler.ru

Статья посвящена изучению особенностей формирования и эволюции судебной системы в период деятельности Правительства Юга России генерала П.Н. Врангеля в Крыму в 1920 г. Показаны особенности репрессивной системы в рассматриваемый период, дан анализ деятельности органов прокуратуры на заключительном этапе существования Белого движения на Юге России в период Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что Генералу Врангелю и Правительству Юга России во главе с бывшим царским министром Александром Васильевичем Кривошеиным удалось усилить роль Правительствующего Сената, поднять значение прокурорского надзора, восстановить деятельность мировых судов. Военно-полевые суды получили правовые ограничения, объявлялись амнистии бойцам Красной Армии. Однако полностью преодолеть господства военной юстиции над гражданской, добиться существенных перемен в политико-правовой системе в условиях продолжавшейся Гражданской войны не удалось. Это стало одной из причин слабости белого тыла и неудач южнорусского Белого движения.

Ключевые слова: Белое движение, репрессивная система, судебная система, прокуратура, генерал П.Н. Врангель

Введение

При изучении истории Гражданской войны в России, противостояния «красных» и «белых» следует обратить особое внимание на борьбу двух военно-политических систем, каждая из которых стремилась к подавлению своего противника. В этом отношении важное значение приобретают исследования, связанные с вопросами формирования и эволюции судебной системы в российском Белом движении. В белом Крыму, на завер-

шающем этапе Гражданской войны судебная система претерпела заметные изменения по сравнению с предшествующими периодами. В статье рассматриваются особенности организации судебной системы, специфика осуществления репрессий на территории Крыма в период существования Правительства Юга России весной–осенью 1920 г.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии проблематика эволюции судебно-правовой системы Белого движения на Юге России в 1917–1920 гг. не стала еще предметом специального монографического исследования. Репрессивная же политика белых в Крыму в 1920 г. рассматривалась, как правило, в контексте изучения общей репрессивной политики антибольшевистских правительств в 1917–1922 гг. О данных проблемах писали А.Л. Литвин¹, Г. Н. Петров², В.П. Булдаков³, А.В. Лубков⁴. Отсутствие контролирующих начал со стороны белой власти рассматривалось в качестве причины эскалации репрессий, многие из которых проводились как следствие так называемого «стихийного садизма». Проблемы функционирования белой власти в Крыму, в том числе и организация судебных и внесудебных репрессий, рассматривались, в частности, известным историком Белого движения С.В. Карпенко⁵.

В зарубежной историографии тема белой юстиции специально не рассматривалась, но она затрагивалась в контексте общих исследований по истории южнорусского Белого движения. П. Кенез считал правонарушения, допускаясь в белом тылу, серьезным фактором, влиявшим на отношение местного населения к белой власти, причиной роста недоверия к политике деникинского правительства. Врангелевское правительство, по его мнению, не смогло полностью изжить недостатки правовой системы⁶. Иной точки зрения придерживается Э. Кронер, убежденный в том, что генерал Врангель имел серьезные намерения к переустройству силовых

¹ *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1995.

² *Петров Г.Н.* Диалектика соотношения «красного», «белого» террора и террора интервентов в годы Гражданской войны в России (1917–1920 гг.). М.: МГТУ МИРЭА, 2000.

³ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2007; *Карпенко С.В.* Врангель: Последний Главком. М.: РОССПЭН, 2006.

⁴ *Цветков В.Ж., Лубков А.В.* Белое движение в России – его программа и вожди. М., 2003

⁵ *Карпенко С.В.* Врангель: Последний Главком. М., 2006.

⁶ *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918 / Пер. с англ. К.А. Никифорова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; *Его же:* Подлинная история Добровольческой армии. 1917–1918 гг. М.: Алгоритм, 2017.

структур, введению их в рамки законности, хотя многого в этом направлении ему не удалось изменить⁷.

Однако в историографии недостаточно внимания уделяется системе законодательных актов, на основе которых функционировала судебная «власть», и законопроектам репрессивного плана.

Преобразования в гражданской юстиции

Как и во все предшествующие периоды Белого движения, в 1920 г. идеи «борьбы за восстановление законности и правопорядка» не уступали своего приоритетного значения в общей политической программе, принятой Правительством Юга России генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. В этом отношении показательна деятельность Управления юстиции, а также Правительствующего Сената, судебных структур гражданской и военной юстиции.

Развернутый план деятельности Управления юстиции был дан в интервью главы ведомства, сенатора Н.Н. Таганцева 25 сентября 1920 г. Отмечалось, что «ограниченная» в условиях небольшой территории работа органов юстиции «будет разрастаться и углубляться по мере расширения занимаемой нами территории». Поскольку главной задачей ведомства по-прежнему считалось «укрепление в народе здорового правосознания и введения строгой законности во все стороны жизни», наиболее эффективным способом достижения этого признавалось «приближение Суда к народу». В этом плане наибольшие перспективы были у мировых судов, развитие которых было задачей многих белых правительств. Предполагалось, во-первых, «увеличить число мировых судей по приблизительному подсчету – один судья на волость», хотя Управление полагало, что «в этом отношении ему придется столкнуться с недостатком людей, так как большого числа вполне подготовленных судей налицо не имеется». Выборы мировых судей заменялись назначением «из центра» ввиду «невозможности выборов».

Во избежание длительного отсутствия местной гражданской юстиции специальный Уполномоченный управления при Штабе Главкома Русской армии следил, чтобы в занимаемых войсками районах незамедлительно восстанавливались следственные и мировые участки. Туда направлялись «соответствующие лица из числа ранее там работавших, или же из штатного резерва Управления».

⁷ *Кронер Э.* Белая армия, Черный барон: жизнь генерала Петра Врангеля. М.: РОССПЭН, 2011.

Таким образом, развитие системы мировых судов, как «наиболее близких к народу», вполне вписывалось в провозглашенный в Крыму в 1920 г. курс «левой политики» и одновременно с созданием земельных советов и волостного земства призвано было укрепить доверие населения к власти, создать ей «опору снизу».

Предполагалось дальнейшее расширение подсудности мировых судов. В частности, мировым судам в 1920 г. уже были переданы функции административных судов, введенных Временным правительством, и они должны были регулировать проблемы, возникавшие между местными органами самоуправления и администрацией. Кроме того, им передавалось рассмотрение исков по делам до 500 тыс. рублей (влияние инфляции в годы гражданской войны), «о праве собственности на наделные земли» и, согласно постановлению Совета при Главнокомандующем от 9 июля 1920 г., рассмотрение совершенных краж. Мировые судьи и представители прокурорского надзора получали право принимать «от всех желающих разнообразные жалобы и направлять эти жалобы куда следует». Разрешением дел мировой юстиции занималось даже Кассационное отделение Правительствующего Сената в Ялте⁸.

Специфика работы Судебной палаты и Окружного суда в Крыму в 1920 г. заключалась в существенно возросшей нагрузке на канцелярию старшего нотариуса, обязанную регистрировать сделки по переходу права собственности на землю. Росли требования и к административному отделению Окружного суда, занимавшемуся делами, предусмотренными положениями о новых земских учреждениях и вопросами регистрации различных обществ и организаций⁹.

В развитие пожеланий Таганцева П.Н. Врангель 26 октября издал приказ № 193, в котором обосновал необходимость совершенствования мирового судопроизводства. В нем, в частности, говорилось: «При существующем ныне расстройстве транспорта обращение к судебной власти сопряжено для сельского населения с весьма значительными затруднениями, и лица, потерпевшие личную обиду или понесшие убыток, предпочитают иногда вовсе отказываться от судебной защиты своих прав, к явному ущербу для достоинства государственной власти. Необходимо поэтому создать такие условия общественной жизни, чтобы население находило у себя на месте, в пределах своей волости, правомерную защиту против преступных посягательств и законное разрешение споров о праве гражданском».

⁸ Военный голос. Севастополь. № 147. 4 октября 1920 г.

⁹ Там же.

Главком, «придавая правильной постановке судебного дела перво-степенное значение», приказывал увеличить количество мировых судей из расчета по одному судье на волость, обеспечить постоянное проживание мировых судей в волости и пересмотреть границы мировых участков¹⁰.

Функции Правительствующего Сената

Как уже отмечалось, по мере утверждения власти генерала Врангеля в белом Крыму усиливался статус Правительствующего Сената. Сенат санкционировал вступление в должность генерала Врангеля и определил пределы его полномочий. Обер-прокурором 1-го Департамента был назначен бывший глава управления юстиции Особого Сопещения, опытный юрист В.Н. Челишев, а товарищем обер-прокурора – уже занимавший эту должность ранее сенатор М.П. Стремоухов. 27 июня 1920 г. был опубликован Указ Правительствующего Сената, разъяснявший существо положений земельной реформы. В полном соответствии с порядком и формой рассмотрения законодательных предположений, обер-прокурором 1-го департамента были представлены законодательные акты: приказ генерала Врангеля «О земле»; Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев и Временное Положение о земельных учреждениях.

Одобрение Сената было для земельной реформы тем более важно, что оно затрагивало серьезные гражданско-правовые моменты, связанные со сменой частных владельцев.

Рассмотрев предложенные акты, Сенат «приказал» 1-му Департаменту «признать подлежащими обнародованию» все.

Показательно, что проведение реформы происходило именно по этому отделению Сената, а не по 2-му Департаменту, традиционно считавшемуся «крестьянским» в разрешении актов по землеустройству. В Указе Сената отмечалось: «Ныне закон этот будет проводиться в жизнь, и Правительствующий Сенат, неизменно стоя на страже порядка и законности, почитает для себя должным отметить значение этого акта в деле государственного устройства нашей Родины... Приказ Правительства, облеченного всей полнотой власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель... Отныне в деревне

¹⁰ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт на Майне: Посев, 1982. С. 227–228.

должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а самый закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшим контролем Правительства и Главнокомандующего. Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться мощь России... А посему Правительствующий Сенат в общем собрании всех Департаментов определяет: о точном и неуклонном исполнении всеми приказа от 25 мая сего года предписать всем подчиненным местам и лицам и объявить во всеобщее сведение»¹¹. Указ был подписан обер-секретарем П. Мезенцевым, контра-сигнован помощником обер-секретаря В. Белинским и вступил в законную силу по всей общепринятой форме.

Сенат, размещавшийся в Ялте, продолжал выполнять государственные задачи по соблюдению законности и правопорядка. Состав сенаторов не изменился по сравнению с 1919 г. Однако и в Крыму не обошлось без трений между различными властными структурами. В качестве примера Челищев приводит утверждение на пост сенатора начальника Особого отдела штаба Главнокомандующего генерал-лейтенанта Е.К. Климовича.

Бывший директор департамента полиции, в 1920 г. прибывший в Крым из Белграда, опытный следователь, Климович сумел поставить дело политического сыска на высокопрофессиональный уровень, за что был назначен сенатором 1-го Департамента при Государе Императоре. Правда, это назначение прошло с нарушением действовавшего в то время законодательства, поскольку по «Учреждению Сената» назначаться в Сенат могли «лишь особы 3-го класса», тогда как Климович в момент назначения был генерал-майором.

В 1917 г., после прихода к власти Временного правительства, он был лишен звания сенатора, а в 1920 г., находясь в Крыму, подал прошение на имя Врангеля, ходатайствуя о своем восстановлении в составе Сената. Прошение рассматривалось на Общем Собрании, в ходе которого Челищев указал как на нарушение процессуального порядка (прошение было передано Климовичем через одного из сенаторов), так и на невозможность рассмотрения Сенатом данной конкретной просьбы, поскольку Сенат мог дать только общее заключение, без персональных указаний, что являлось бы соблюдением правовой беспристрастности. Исходя из данной ситуации, Челищев предложил сделать следующее заключение: «Подлежит ли обжалованию Указ Временного правительства об увольнении от должности сенатора 1-го Департамента, состоявшееся до введения в действие

¹¹ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. VI. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 253–254.

Учреждения Сената 1917 г. Такой вопрос разрешается отрицательно, ибо Временное правительство, издавая данный указ, действовало как орган Верховной власти, не только фактически являясь таковой в порядке революционного творчества, но и юридически, в силу преемственности власти, закрепленной рядом юридических актов: Манифеста Императора Николая II об отречении от Престола за себя и за сына Алексея, Манифеста Михаила Александровича об его отречении с передачей Верховной власти Временному правительству впредь до созыва Учредительного Собрания и установления им порядка и форм государственного строя России. Верховная власть Временного правительства была принята, между прочим, Правительствующим Сенатом, принявшим к исполнению и Указ Временного правительства об увольнении генерала Климовича от должности сенатора. Таким образом, никакому обжалованию Указы Временного правительства, как акты верховной власти, подлежать не могут»¹².

Разъяснение Челищева поддержали сенаторы Гражданского и Кассационного департаментов. Общее собрание в итоге приняло постановление о невозможности обжалования принятых в 1917 г. решений, а в ответе генералу Климовичу указывалось лишь на крайне несовершенную природу нормотворчества периода Временного правительства, которое тем не менее приходилось признавать.

Высшие кассационные и санкционирующие функции сосредоточивались у Правительствующего Сената. Однако не меньшее значение для функционирования системы управления в Крыму имело создание контрольных инстанций, для чего приказом № 3625 от 12 сентября 1920 г. была создана Высшая Комиссия Правительственного надзора Юга России, принимавшая «прошения, жалобы и заявления» от жителей Крыма. Комиссия получала право осуществлять наблюдение за исполнением тех или иных правительственных постановлений и распоряжений местной администрации¹³.

Реорганизация военной юстиции

Наряду с преобразованиями в гражданской юстиции важнейшим направлением правовых реформ признавалась реорганизация военной юстиции. Здесь перемены были крайне необходимы, учитывая тот факт, что накануне вступления Врангеля в должность Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (далее – Главкома ВСЮР) в Крыму происходили

¹² ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д.1. Лл. 431-434.

¹³ Военный голос. Севастополь. № 157. 16 октября 1920 г.

серьезные нарушения законности именно органами военной юстиции. Военно-полевые суды фактически принимали на себя всю ответственность за совершение правосудия как в прифронтовой полосе, так и в тылу. Законодательно же военно-полевые суды могли учреждаться «лишь в крайних случаях, когда учиненное преступление совершенно очевидно, не требует никакого расследования и по характеру своему вызывает необходимость в безотлагательной и примерной репрессии». Поэтому в военно-полевых судах практически отсутствовали следственные функции и адвокатура, а их созыв не мог носить регулярного характера.

Между тем корпусные суды (аналог окружным судам гражданской юстиции), работавшие на постоянной основе и состоявшие, по свидетельству автора брошюры «Правосудие в войсках генерала Врангеля», «из опытных военных и гражданских юристов, действовавшие с соблюдением всех гарантий правосудия (состязательный порядок, гласность и пр.)», практически не участвовали в совершении судебных функций. Военские начальники предпочитали передавать дела на рассмотрение военно-полевых судов, которые полностью зависели от воли назначившего их строевого командира и, следовательно, говорить об «объективности» выносимых ими решений не приходилось¹⁴.

Стремясь наладить должный правовой порядок, Врангель приказом № 2994 от 6 апреля 1920 г. отменил «исключительное право Военного и Морского начальства на возбуждение уголовного преследования против военнослужащих». Тем самым был отменен приказ Главкома ВСЮР № 1812 от 23 июля 1919 г. Была отменена т.н. «административная гарантия» и заявлялось о возвращении к дореволюционным правовым нормам Свода военных постановлений 1869 г. (Устав Военно-судебный, Военский Устав о наказаниях) с дополнениями, предусмотренными приказами по Военному ведомству за №№ 464, 724 1914 г. и №№ 220, 513, 650 1915 г. Этим восстанавливался прежний порядок военного судопроизводства, при котором «законными поводами для начатия дел» признавались уже не только «сообщения военного и морского начальства», но и «предложения военного и военно-морского прокуроров», «сообщения административных и судебных должностных лиц и мест», «жалобы и заявления со стороны как самих военнослужащих, так и «частных лиц». Тот же военный и военно-морской прокурорский надзор направлял обвинительный акт в военно-полевой суд, который и выносил окончательное решение. Но особо важным становилось теперь производство дознаний, проведение предварительных следственных действий, а не вынесение немедленных вердиктов.

¹⁴ А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 6–7.

Предварительное расследование становилось обязательным условием деятельности военной юстиции. В белом Крыму вводилась совершенно новая до того структура – Военно-судные комиссии (приказ № 3023 от 14 апреля 1920 г.), фактически заменявшие собой военно-полевые суды.

В дополнение к данному приказу было опубликовано «Положение о военно-судных комиссиях», утвержденное («за Главкомандующего») начальником штаба Главкома ВСЮР генерал-лейтенантом П.Н. Шатиловым и подписанное Начальником Военного и Морского Судного отдела генерал-лейтенантом И.А. Ронжиным, в ведении которого находилась деятельность всех военно-судных комиссий. «Положение» определяло состав (председатель, пять членов и делопроизводитель) и полномочия создаваемых комиссий. Членами комиссий должны были быть штаб- и обер-офицеры (двое из штаб- и трое из обер-офицеров), а председателем – штаб-офицер или генерал.

Отдельно указывалось, что «членами комиссии назначаются, по возможности, лица с высшим юридическим образованием», а делопроизводителем – «лицо обязательно с высшим юридическим образованием». Комиссия принимала дела и «по своему усмотрению», и «по сообщениям должностных лиц», и «по объявлениям и жалобам частных лиц».

Комиссия должна была расследовать дела, рассмотрение которых было ранее в традиционной компетенции военно-полевых судов («когда учинение преступного деяния и виновные в нем являются настолько очевидными, что нет надобности в дальнейшем расследовании»), а при вынесении решений – руководствоваться правилами о военно-полевых судах. Если проведенные «дознание или расследование» не были произведены с должной полнотой, то и в этом случае комиссии могли назначать «дополнительное расследование». Приговоры военно-судных комиссий подлежали утверждению начальника гарнизона или коменданта крепости, а в случае несогласия последних с приговором передавались на рассмотрение корпусных и военно-окружных судов¹⁵.

Пределы власти комиссий распространялись на «территорию соответственного уезда или крепостного района». Комиссии должны были создаваться «в каждом уезде Таврической губернии, при начальниках гарнизонов, соответствующих уездных городов и при комендатурах крепостей Севастополь и Керчь. Таким образом, в отличие от военной юстиции 1919 г., основной низовой структурой становилась уже не отдельная воинская часть, а административно-территориальная единица. Это было оправдано

¹⁵ А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 8.

с точки зрения стабилизации фронта, отсутствия быстрого перемещения воинских частей, а также с позиции максимально возможного обеспечения правопорядка в той или иной местности, лишенной в силу тех или иных причин необходимых структур гражданской юстиции. Отдельным пунктом утверждалось: «Суду Комиссий за совершение преступлений, перечисленных в настоящем положении, подлежат как военнослужащие, так и гражданские лица»¹⁶.

В июле в Севастополе, несмотря на ограниченные типографские возможности, было издано специальное «Руководство для военно-судных комиссий, военно-полевых и полковых судов», составителями которого были полковник военно-судного ведомства Н. Несмелов и коллежский асессор Н. фон Ланг. В него вошли все приказы, а также руководящие статьи из Уголовного уложения и Воинского устава о наказаниях. Отдельно к Руководству прилагались образцы специальных типографских бланков для проведения заседаний военно-судных комиссий.

В предисловии к сборнику указывалось, что «учреждение военно-судных комиссий вызвано участвовавшими в последнее время разбоями, грабежами и кражами, которые, помешав победоносному движению вперед Русской Армии (имелись в виду военные неудачи 1919 г. – *В.Ц.*), могут препятствовать и теперь, озлобляя население и разлагая элементы Армии».

Военно-судным комиссиям полагалось ориентироваться на заявленные «основными принципами правопорядка» – «скорость и неизбежность уголовной репрессии». «Когда потерпевший будет видеть, что преступление не осталось безнаказанным, а виновный будет знать, что при существующем судебном аппарате (военно-судной комиссии) мало шансов избежать уголовной репрессии, и притом, когда репрессия постигает виновного настолько быстро, что обстоятельства преступления еще живы в памяти общества или определенной группы лиц и корпораций, тогда только назначение военно-судных Комиссий будет достигнуто»¹⁷.

Первоначальная компетенция комиссий заключалась в рассмотрении дел, связанных с совершением лишь «грабежей и разбоев». 5 мая 1920 г. в ожидании скорого наступления приказом Главкома № 3134 предусматривалось создание комиссий не только при территориальных единицах,

¹⁶ *А.Л.* Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 9–10.

¹⁷ Руководство для Военно-Судных Комиссий, Военно-Полевых и Полковых Судов (Сборник приказов, руководящих статей законов и образцов постановлений, приговоров и т. д.). Севастополь: Издание войн и Морского Судного Отдела Военного Управления ВСЮР; Типография Штаба Порты, 1920. С. 2.

но и «при штабах корпусов» (фактически этим заменялись корпусные суды) и «при каждой пехотной и конной дивизии». Комиссии были полностью изъяты из подчинения строевых начальников и подчинялись «только Главному Военному Прокурору», что делало их формально независимыми от воли командиров, чьи подчиненные совершали преступления. Прилагаемой к приказу «инструкцией» комиссии обязывались «широко оповестить войска и население... о своем местоположении, с указанием, что по всем делам о грабежах и разбоях надлежит обращаться к ним».

Предусматривалось введение специальных флагов с надписью, обозначающей расположение военно-судной комиссии.

В распоряжении председателя комиссии следовало сформировать «особые патрули из надежных солдат под начальством энергичного офицера для ареста грабителей» (фактически заменяющие собой комендантские команды). Расширялась и область подсудности в компетенции комиссий. Приказом Главкома № 3216 от 25 мая 1920 г. помимо разбоев и грабежей в ведение создаваемых структур военной юстиции передавались дела по кражам, совершенным военнослужащими (кражи, совершенные гражданскими лицами, разбирались в 1920 г. только мировыми судьями)¹⁸ [8, с. 12].

Наконец, приказом № 3275 от 3 июня 1920 г. Главком предписал «дабы полнее обеспечить интересы местного населения, потерпевшего от краж, грабежей и разбоев», в обязательном порядке включить в состав военно-судных комиссий «двух представителей крестьян от волостного земства» с совещательным голосом, привлекать их к расследованию преступления и выслушивать показания нарушителей. Кроме того, комиссиям поручалось также заниматься выплатой компенсаций за произведенные воинскими частями реквизиции подвод и лошадей, что, конечно, трудно считать делом, подлежащим ведению правосудия, но бывшим достаточно насущным для крестьянства в страдную пору лета 1920 г. Заседания комиссий стали совершаться открыто и гласно, а офицеры-юристы обязаны были давать также консультации местному населению по многочисленным, возникающим у него, правовым вопросам¹⁹.

Приказом № 3268 от 31 мая 1920 г. должность начальника военно-судной части учреждалась при управлении каждого армейского (неотдельного) корпуса. В его компетенцию входило рассмотрение всех военно-судных дел, поступающих к командиру корпуса, «ближайший надзор за деятельностью военно-полевых судов», контрольные функции по отноше-

¹⁸ А.Л. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 14.

нию к военно-судным комиссиям, а также непосредственное «производство расследований» по распоряжению командира корпуса и Главного Военного Прокурора. Фактически начальник военно-судной части обладал правом утверждать смертные приговоры военно-полевых судов, поскольку «прежде приведения их в исполнение», обязан был проводить проверку «всех законченных в военно-полевом суде дел». В случае выявленных нарушений в работе военно-полевых судов начальник военно-судной части мог передать их на обжалование в Главный Военный Суд²⁰. В специальном обращении начальника военно-судного ведомства от 8 августа за № 7479 отмечалось: «Военно-прокурорские надзоры судов армии, а равно и военно-следственные власти должны стать, по возможности, ближе к войскам и населению, стремясь к тому, чтобы ни одно преступление не осталось безнаказанным и ни один преступник – без должного воздействия со стороны уголовного закона. Население и войска должны быть широко оповещены, к кому надлежит обращаться с жалобами и заявлениями об известных им фактах злоупотреблений». Наконец приказом от 4 сентября 1920 г. за № 3602 отмечалось, что «гражданская жизнь постепенно ступает на путь мирной плодотворной работы под защитой сильной и вполне сорганизованной государственной власти, обладающей необходимым военно-судебным аппаратом, и в интересах создания более нормальных условий ответственности граждан перед законом и для поднятия идеи правопорядка на должную высоту». Поэтому все «дела о гражданских лицах по обвинению их в преступных деяниях, изъятых из общей подсудности», в военно-полевые суды больше не передавались. Ранее существовавшие изъятия из гражданской подсудности, обусловленные тем, что «военно-полевые суды... часто являлись единственными органами правосудия в данной местности», теперь отменялись. Осенью 1920 г. в развитии военной юстиции становилась очевидной тенденция ограничения сферы ее деятельности и изменения ее политико-правового статуса²¹.

В этой связи нельзя не отметить, что, несмотря на ограниченность территории и в условиях единоличной административной вертикали в Крыму в 1920 г., считалось необходимым вернуться к классическим принципам государственного права. В развитие этих намерений и с целью совершенствования системы военной юстиции приказом № 3718 от 9 октября 1920 г. Врангель провозгласил принцип «надлежащего разграничения деятельности властей судебной и административной», полностью изъяв военное и военно-морское судебное ведомство из подчинения начальникам военного

²⁰ А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1920. С. 36–39.

²¹ Там же. С. 46–48.

и морского управлений. Главный военный и военно-морской прокуроры, а также Начальник военного и морского судного отдела соответственно переименовывались в Главного прокурора армии и флота и Начальника военного и военно-морского судного ведомств и переходили в непосредственное подчинение самому Главкому. Тем самым формально провозглашалась независимость военной юстиции от военачальников любых категорий. Военно-судная вертикаль и прокурорский надзор стали формально независимы (фактически данная система так и не успела сложиться из-за недостатка времени на реализацию). Главный прокурор получал право обязательной первичной редакции (с правом возможной корректировки) всех законопроектов и проектов приказов, «устанавливающих новые виды преступных деяний, усиливающие или изменяющие существующие наказания..., прежде представления их Главнокомандующему или опубликования». Врангель провозглашал, что существовавший еще с 1918 г. порядок деятельности военной юстиции, при котором судебные вертикали военного и военно-морского ведомств подчинялись военному и морскому министрам, нужно заменить на тот, при котором «органы правосудия и юстиции не должны находиться в подчинении административной власти, как бы высоко не были поставлены ее представители... Только самостоятельное положение ведомства даст ему возможность развить максимум плодотворной работы в борьбе с преступностью, считаясь лишь с велением закона и своей совести и не растрачивая сил на улаживание различных трений... Мы только тогда победим, когда на кончиках своих грозных штыков, понесем народу принципы права, правды и законности»²².

Определенные проблемы возникали с укомплектованием военно-судных комиссий квалифицированными юристами. Так сложилось, что в составе Русской армии офицеры, имевшие гражданское юридическое образование, были, как правило, в младших, обер-офицерских чинах. Поэтому в ходе реформирования военно-судного ведомства возникали предложения о замене служебного ценза (длительность пребывания в должности) образовательным и привлечении имевших данное образование офицеров к работе в качестве «временных членов военных судов». «Кадровый резерв», бывший в распоряжении военно-судного ведомства, состоял к осени 1920 г. всего из 15 профессиональных юристов с большим стажем работы (однако «людей больных и переутомившихся»), что вынуждало «кадровый голод» преодолевать за счет строевых офицеров. Тем не менее, несмотря на тяжесть условий осуществления правосудия, служащие военной юстиции

²² Военный голос. Севастополь. № 160. 20 октября 1920 г.

подтвердили верность долгу и в своей профессиональной деятельности, и в обстановке боя. Большая часть служащих военно-судных комиссий погибла в сражении у ст. Сальково 30 октября, в момент отступления Русской армии из Северной Таврии в Крым²³.

Была поставлена под контроль прокуратуры также деятельность контрразведывательных учреждений. Еще в феврале–марте 1920 г. многие уездные и губернские (Харькова, Екатеринослава, Владикавказ) контрразведывательные структуры были распущены, а их служащие подвергнуты разного рода дисциплинарным и уголовным взысканиям. Контрразведывательные отделения были переименованы в «наблюдательные пункты», и их численность существенно сокращена. Отношение к нарушителям закона ужесточилось в 1920 г. Так, например, в октябре был расстрелян весь личный состав одного из наблюдательных пунктов по обвинению в «вымогательстве». Генералом Климовичем был разработан проект «возвращения к производству дознаний по государственным преступлениям чинами восстанавливаемого корпуса жандармов». Приказом от 8 июля 1920 г. за № 91 (по гражданскому управлению) были установлены предварительные правила осуществления делопроизводства по государственным преступлениям. В прифронтной полосе за это отвечали чины прокурорского надзора военного и военно-морского ведомств, а в тыловом районе – чины прокурорского надзора Судебной палаты. Следовало «тщательно наблюдать за производством дознаний по государственным преступлениям», для чего требовалось личное, непосредственное участие в производстве следственных действий, отслеживание правомерности каждого ареста и «правильности содержания арестованных». В случае отсутствия «признаков какого-либо наказуемого деяния» или безрезультатного «окончания дознания» чины прокурорского надзора должны были незамедлительно освобождать подозреваемых. Все меры ограничения свободы, так же как и само предварительное расследование, производились только с санкции прокуратуры. Вообще, «за все время трехлетней гражданской войны это было впервые, когда дело политическо-го розыска ставилось под контроль чинов прокуратуры»²⁴.

Что касается ответственности за государственные и политические преступления, то и в этой области в 1920 г. произошли заметные измене-

²³ Возрождение Русской армии. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 16, 55–56.

²⁴ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. 26–27; Аргунов А. Без свободы // На чужой стороне. № XIII. Прага, 1925. С. 121–125; Григорьев (Генкер) Татарский вопрос в Крыму // Антанта и Врангель. Вып. 1. М.–Л.: Гос. изд-во, 1923. С. 236.

ния. Еще в конце 1919 г. была объявлена очередная амнистия в соответствии с Приказом Главкома ВСЮР от 14 декабря 1919 г.

Обоснованно полагая, что недоверие к офицерам, служившим в РККА, не способствует укреплению боеспособности армии, ведет лишь к неоправданному отчуждению офицерства от Белого дела, А.И. Деникин отмечал, что «бои последнего периода (т.е. осени 1919 г. – *В.Ц.*) с несомненностью подтвердили, что те офицеры и солдаты старой русской армии, которые ранее служили в Красной армии, а затем перешли добровольно на нашу сторону или был захвачены в плен, в настоящее время с честью выполняют свой гражданский долг перед Родиной, принимая участие в боях с большевиками в рядах старых добровольцев». На основании этого обстоятельства генерал Деникин объявлял «прощение с восстановлением во всех правах, не исключая и права на чин и звание, заслуженное в старой русской армии, тем лицам, служившим в красной армии и советских учреждениях, а также способствовавших и благоприятствовавших деятельности советской власти и ее войскам, кои: а) отбыли и отбывают наказания по постановлениям судебно-следственных комиссий, б) отбыли и отбывают исправительные и дисциплинарные наказания по приговорам военно-полевых и других военных судов», а также и те, в отношении которых судебно-следственные действия еще не завершились.

Наказание в виде каторжных работ, предусмотренное законодательством Особого Совещания, за членство в РКП(б), заменялось «разжалованием в рядовые с предоставлением им права, с согласия на то подлежащего военного начальства, в рядах армии заглаживать свою вину перед родиной». Амнистии не подлежали те, кто помимо службы в РККА и советских учреждениях совершал еще и «общеуголовные преступления»²⁵.

Наконец, наиболее полной стала амнистия, принятая в отношении «казаков, солдат и офицеров-красноармейцев (имелись в виду иногородние – *В.Ц.*), – уроженцев Дона, Кубани и Терека». Утвержденная в качестве отдельного закона в протоколе заседания Верховного Круга Дона, Кубани и Терека 23 января 1920 г. под № 14, амнистия предусматривала не только освобождение от любой ответственности за службу в РККА («полное помилование»), но и освобождение от любой военной службы вообще (т.е. и в белых армиях) «в течение двух месяцев со дня перехода». В условиях напряженных боев на Кубани в начале 1920 г. подобное «снисхождение» могло быть весьма негативно воспринято сражающимися на фронте солдатами и офицерами белых армий. В «воззвании», утвержденном Верховным

²⁵ Таганрогский вестник, Таганрог, 18 (31) декабря 1919 г.

Кругом, говорилось: «Вам до сих пор комиссары говорят, что у нас воюют только одни генералы и буржуи. Не верьте этому и твердо знайте, что с Лениным и Троцким и прочими комиссарами борется весь наш народ, все казаки и все остальное население..., мы боремся за Всероссийское Учредительное Собрание, где со всех концов нашей матушки России соберутся лучшие народные избранники, и только оно, этот хозяин земли русской, даст нашей измученной Родине мир и порядок... Бросайте Ленина и Троцкого! Бросайте окровавленные знамена! Идите к своим семействам! Вам Верховный Круг Дона, Кубани и Терека дает полное помилование. Возвращайтесь пока не поздно»²⁶.

Изменения в репрессивном законодательстве

Военные действия в Таврии летом–осенью 1920 г. потребовали от белого руководства серьезных изменений в репрессивном законодательстве. Еще приказом № 3053 от 29 апреля 1920 г. предписывалось освобождение от всех наказаний и ограничений по службе всех офицеров и солдат, ранее служивших в армиях новых «государственных образований» (Украинской Республики, Грузии, Прибалтики). Всем им возвращались в полном объеме их чины и служебные преимущества, полученные «до 1 декабря 1917 г.». Приказами № 3052 от 29 апреля 1920 г. и № 3224 от 8 июня 1920 г. Врангель отменял ряд положений деникинского закона об уголовной ответственности участников установления советской власти: первую часть статьи 1-й и параграфы 1–6 статьи 108-й Уголовного уложения, соответствующего (по редакции) приказу по Добровольческой армии № 390 от 1918 г. и закону «О государственной измене». Первый из вышеназванных приказов касался военнослужащих РККА, второй относился ко всем тем, кто «служил советской власти». В первом приказе отмечалось, что «много солдат и офицеров советских войск, не будучи большевиками, сражаются против нас, вынужденные к тому репрессиями и террором. Эти лица являются нашими врагами лишь на поле сражения, сдавшиеся же и перешедшие на нашу сторону без оружия в руках достойны сожаления и прощения».

Исходя из этого Врангель приказывал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных во время сражения», но в то же время «освобождал от всяких кар» и восстанавливал в правах (выслуженных до 1 декабря 1917 г.) всех остальных «офицеров и солдат Красной армии раз они сдались или перешли на нашу сторону,

²⁶ ГА РФ. Ф. 6611. Оп. 2. Д. 4. Лл. 186 об. – 188.

безразлично – до сражения или во время боев, а равно и всех, служивших ранее в советской армии, по добровольном прибытии в войска ВСЮР».

Второй приказ освобождал от ответственности «всех граждан вновь занимаемых вооруженными силами областей, кои во время господства там советской власти состояли на службе в различных советских учреждениях и вообще принимали участие в работе советских властей, за исключением лиц, занимающих ответственные руководящие должности в советском управлении и сознательно осуществлявших или содействовавших осуществлению основных задач советской власти»²⁷.

Тем самым довольно твердо разделялся принцип «принудительного служения», под воздействием обстоятельств «непреодолимой силы» (каковыми считалось принуждение к службе со стороны советской власти) и сознательная поддержка, активное участие в государственном и военном строительстве в Советской России или других советских республиках. Правовой изъян, создававший в 1918–1919 гг. основу для необоснованных, жестоких репрессий, был, как казалось, преодолен.

Следует, однако, отметить, что между «буквой закона» и правоприменительной практикой в условиях Гражданской войны оказывалась нередко большая разница. Разделить «сознательную поддержку» и «принуждение» можно были лишь при специальном, тщательном расследовании. Нельзя было полностью исключить самосуды и сознательные нарушения белым командованием, особенно среднего и низшего звена, приказов об амнистии красноармейцам и советским работникам. Но в целом развитие правовой базы репрессивной политики Белого движения ориентировалось на возможность смягчения, а не ужесточения наказаний (насколько это было вообще возможно в условиях Гражданской войны), их дифференциации в зависимости от тяжести совершенных преступлений и статуса репрессируемых субъектов.

Приказом Главкома № 3120 от 2 мая 1920 г. приведение в исполнение смертных приговоров запрещалось производить публично, в чем проявилось очевидное стремление отказаться от распространившейся в городах Крыма весной 1920 г. подобной практики исполнения приговоров по решениям военно-полевых судов. По мнению автора брошюры «Правосудие в войсках генерала Врангеля», сторонники публичности казней указывали на «устрашающий характер публичной смертной казни, столь необходимый в исключительное время, нами переживаемое».

²⁷ Врангель П.Н. Записки. Ч. 2 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин: Медный всадник, 1928. Т. VI. С. 103.

Однако нельзя было не учитывать, «что длительное применение ее приводит к совершенно обратным результатам, развращая общественные нравы и создавая в населении совершенно безразличное отношение к виду насильственной человеческой смерти. Создается глубокое нравственное отупение, легкий взгляд на жизнь окружающих и свою собственную, что вместо понижения преступности, ведет лишь к ее увеличению, несмотря на все суровые кары закона. Средние века, когда столь широко практиковалось публичное исполнение смертной казни, – лучшее тому доказательство». Из подсудности военно-полевых судов были изъяты также все дела о несовершеннолетних от 10 до 17 лет (приказ № 3073 от 26 апреля 1920 г.) и, в связи с важностью «установления степени их разума при учинении преступного деяния», признавалось необходимым передавать все дела о преступлениях с их участием на рассмотрение корпусных или военно-окружных судов»²⁸.

Стала использоваться и довольно необычная форма наказания – т.н. «высылка в Совдепию». Еще в 1918 г. встречались прецеденты применения данной санкции. Например, в октябре 1918 г. в Советскую Россию за «призыв к забастовке» была выслана студентка Ростовского университета²⁹. Приказом от 11 мая 1920 г. за № 3182 новый Главком ВСЮР определил, что «высылке в Советскую Россию» подлежат «лица, избличенные в непубличном разглашении или распространении заведомо ложных сведений и слухов... в возбуждении путем произнесения речей и других способов агитации, но не в печати, к устройству или продолжению стачки, участия в самовольном, по соглашению между рабочими, прекращении работ, в явном сочувствии большевикам, в непомерной личной наживе, в уклонении от исполнения работ по содействию фронту».

Право высылки принадлежало губернаторам и комендантам крепостей, причем требовалось обязательное производство дознания, которое шло затем на «заключение прокурорского надзора», и высылка могла быть осуществлена только «по взаимному соглашению этих властей»³⁰.

В процессуальном отношении нельзя не отметить еще одну важную новацию. В контексте введения в действие приказов от 29 апреля и 8 июня 1920 г. следовало упразднить и такой важный элемент осуществления репрессивной политики «деникинского периода», как «судебно-следственные комиссии», занимавшиеся расследованием обстоятельств службы в совет-

²⁸ *А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля*. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 48–49.

²⁹ *Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками*. Мюнхен: Б.и., 1962. С. 271.

³⁰ *А.П. Правосудие в войсках генерала Врангеля*. Константинополь: Типография Л. Бабок, 1920. С. 27–28.

ской власти. Хотя эти комиссии и состояли из квалифицированных юристов и в большинстве случаев выносили «реабилитационные» решения, считалось, что они создают дополнительные трудности при возобновлении на новой службе офицеров и гражданских чиновников. После сокращения территории в пределах Крыма действовала только Таврическая губернская судебнo-следственная комиссия, учрежденная в 1919 г. Приказом Главкома от 1 июня 1920 г. № 3262 Таврическая комиссия была расформирована, а все дела, относящиеся к государственным преступлениям, передавались на рассмотрение военных следователей и военных прокуроров корпусных или Севастопольского военно-морского судов.

Еще одна амнистия была объявлена Главкомом 14 сентября 1920 г. приказом № 3639. Она касалась военнo-служащих, осужденных военнo-полевыми судами по дисциплинарным правонарушениям, и гражданских лиц, также осужденных военнo-полевой юстицией и отбывающих наказание «не свыше тюремного заключения», а также разжалованных в рядовые «за преступления, связанные с корыстными мотивами». Сделано это было по ходатайству Управляющего Военным и Морским духовенством епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова), в связи с проведением в Крыму «дней покаяния и молитвы», утвержденных Святейшим Патриархом Тихоном в празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня («в ознаменование этих дней актом милосердия и прощения» (в 1919 г. подобная амнистия объявлялась Деникиным по ходатайству Юго-Восточного Церковного Собора)³¹.

Проведение амнистий сопровождалось и определенной пропагандистской подготовкой. Главком, в частности, дважды обращался к «офицерам и солдатам советских армий» (показательно неприятие термина «красноармейцы», заменяемое на «офицеры и солдаты»). Можно усмотреть определенную аналогию с известными воззваниями генерала Брусилова, но с совершенно противоположным содержанием.

В первом воззвании к «офицерам Красной армии» Врангель сразу же объявил, что он «стал во главе остатков Русской Армии, – не красной, а русской, – еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой когда-то служили и многие из Вас». Подчеркивалось прежнее единство офицерского корпуса, разделенного ныне фронтами гражданской войны: «Русское офицерство искони верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская армия открыла врагу фронт, и обезумевший на-

³¹ Военный голос. Севастополь. № 132. 16 сентября 1920 г.

род стал жечь и грабить Родную землю... Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели Вы, бывшие офицеры непобедимой Русской армии». Обращение от имени Правителя и Главнокомандующего ВСЮР завершалось словами: «Я зову Вас идти к нам, чтобы Вы смысли с себя пятно позора, чтобы Вы стали вновь в ряды Русской, настоящей Армии. Я, генерал Врангель, ныне ставший во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю Вам забвение прошлого и предоставлю возможность искупить Ваш грех».

В другом обращении, с характерным названием «Прекратим братоубийство!», обращаясь к «русским людям, офицерам и солдатам красной армии», Врангель ставил акцент на патриотических лозунгах, обращенных как бы в противовес становившимся уже популярным в 1920 г. идеям борьбы РСФСР за воплощение российских национальных целей: «Россия, Родина наша, гибнет. Вера Православная поругана, осквернены древние святыни... Вспомните, Вам сулили конец войны, а теперь ведут в Индию. Дробят Россию на большевистские коммуны, а вы сами себя обманываете, что это может ее объединить. Вы тешите себя мечтой, что служите русской народности, отдавая жизнь за Интернационал, отрицающий всякую народность. Ведь поймите, для советских властителей чужая им Россия – только костер, чтобы зажечь мировой пожар. Им все равно, если от этого костра останется только пепел. За что же Вы боретесь? За Ваше рабство, за комиссаров-коммунистов, терзающих ни в чем неповинных людей в застенках, за изуверов, отрицающих Россию...? Мы боремся не против Вас, а за Вас самих, за Ваше достояние, за свободу России, за ее величие... Три года льется кровь. Три года братья убивают друг друга. Ступайте по домам или идите к нам, тогда прекратится бессмысленная бойня. Тогда весь народ, очищенный страданием в своей родной семье, сам для себя установит порядок лучшей, истинно свободной жизни. Тогда все забудется, все простится. Братья наши, офицеры и солдаты красной армии. Мы протягиваем Вам руку, протяните и Вы нам свою»³².

Выводы

Органы юстиции продолжали работу в Крыму в тяжелых условиях, пытаясь наладить правопорядок, добиться восстановления законности. С точки зрения перспектив развития правовой системы в белом Крыму

³² Возрождение Русской армии. Константинополь, 1920. С. 17–19.

считалось необходимым, помимо введения репрессий, проводить практику предупредительных мер, направленных на устранение причин правонарушений. Трудности часто возникали и в результате крайней слабости местного административного аппарата, ведь без налаженной системы управления невозможно рассчитывать на то, что любые, даже наиболее гуманные (если вообще возможно применять этот термин к условиям гражданской войны), будут воплощены в жизнь.

© Цветков В.Ж., 2018

Рукопись поступила в редакцию 24 июля 2017 г.

Дополнительная информация о рукописи: Данная статья основана на материалах, которые ранее были использованы автором в монографии «Белое дело в России. 1920–1922 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России)». (М., 2013, Часть 1.), опубликованной незначительным тиражом и практически неизвестной читателям. Заимствованный текст из данной монографии представляет собой прежде всего исторические источники, которые рассматривает автор, в то время как структура и аналитические выводы настоящей статьи являются полностью оригинальными.

Для цитирования: Цветков В.Ж. Политико-правовые особенности организации судебной власти и репрессивной системы в белом Крыму в 1920 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 1. С. 175–197. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197.

**POLITICAL AND LEGAL PECULIARITIES
OF ORGANIZATION OF JUDICIAL POWER
AND REPRESSIVE SYSTEM
IN THE WHITE CRIMEA IN 1920**

Vasiliy Zh. Tsvetkov

Institute of History and Politics
Moscow Pedagogical State University
88 Vernadsky pr., Moscow, 115571, Russia
tsvetcov@rambler.ru

The article examines the peculiarities of the functioning of the judicial system in the White South of Russia during the 1920s. This period is characterized by a significant departure from the previously proclaimed principles of the ideology of the “White move-

ment”, which were replaced by the so-called “left-wing policy with the right hands”. The author comes to conclusion that due to the reduction of the territory occupied by the White armies (the borders of the Crimea and North Tavria (Tauride Governorate)), it became possible to more closely monitor the work of the local judicial system. The White leadership proclaimed its policy of combating all violations of law, the absence of legitimate methods of government, the rule of the so-called “machine gun right”, in which it was the decisions of the military which became the major ones, they prevailed over all civilian legislative acts and institutions. General Wrangel and the Government of the South of Russia, led by Alexander Vasilievich Krivoshein, the former tsarist minister, managed to achieve some changes for the better. There increased the role of the Governing Senate and the importance of prosecutor’s supervision; the activities of the magistrate courts began to recover. The work of counterintelligence agencies was put under prosecutor’s supervision. Court martial got legal limitations, the Red Army soldiers were pardoned. However, it was not possible to completely overcome the dominance of military justice over civil one and to achieve significant changes in the political and legal system in the conditions of the ongoing Civil War. This became one of the reasons for the weakness of the White rear and the failures of the South Russian White movement.

Keywords: White movement, repressive system, judicial system, prosecutor’s office, General P.N. Wrangel

REFERENCES

- A.P. *Pravosudie v voyskah generala Vrangelya*. Constantinople, 1920 (in Russian).
- Argunov, A. “Bez svobody.” [Without freedom]. *Na chuzhoj storone*, no. 13 (1925): 1921–1925 (in Russian).
- *Beloe delo v Rossii. Formirovanie i jevoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii. 1919–1922*. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2013 (in Russian).
- Buldakov, V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasiliya*. Moscow: Fond “Prezidentskiy centr B.N. El’cina”, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, 2007 (in Russian).
- Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii (thereafter – GA RF) [State archive of the Russian Federation], f. 6611, op. 1, d. 1.
- GA RF, f. 6611, op. 2, d. 4.
- Cvetkov, V.Zh., and Lubkov, A.V. *Beloe dvizhenie v Rossii – ego programma i vozhdii* [White movement in Russia – its program and leaders]. Moscow: Prometey Publ., 2003 (in Russian).
- Grigor’ev (Genker) “Tatarskiy vopros v Krymu.” [The Tatar question in the Crimea]. *Antanta i Vrangeli*, 232–238. Issue 1. Moscow; Leningrad, 1923 (in Russian).
- Karpenko, S.V. *Vrangeli’: Poslednij Glavkom*. Moscow: AST, 2006 (in Russian).
- Kenez, Peter. *Krasnaya ataka, beloe soprotivlenie. 1917–1918*. Translated by K.A. Nikiforov. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian).

- *Podlinnaya istoriya Dobrovol'cheskoi armii. 1917–1918 gg.* Moscow: Algoritm, 2017 (in Russian).
- Kröner, Anthony. *Belaya armiya, Chernyi baron: zhizn' generala Petra Vrangelya.* Moscow: ROSSPEN, 2011 (in Russian).
- Litvin, A.L. *Krasny i bely terror v Rossii 1918–1922 gg.* Kazan': Jeksmo, 1995 (in Russian).
- Petrov, G.N. *Dialektika sootnosheniya 'krasnogo', 'belogo' terrora i terrora interventov v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii (1917–1920 gg.).* Moscow: MTU, 2000 (in Russian).
- Polyakov, I.A. *Donskie kazaki v bor'be s bol'shevikami.* Munich, 1962 (in Russian).
- Ross, N. *Vrangel' v Krymu.* Frankfurt on Main, 1982.
- Rukovodstvo dlja Voенno-Sudnyh Komissij, Voенno-Polevyh i Polkovykh Sudov* [The manual for Military Commissions Judgment, the Field and Regimental Courts]. Sevastopol', 1920.
- Taganrogskiy vestnik.* Taganrog, December 18 (31), 1919.
- Voennyi golos.* Sevastopol, September 16, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 4, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 16, 1920.
- Voennyi golos.* Sevastopol, October 20, 1920.
- Vrangel', P.N. "Zapiski." [Notes] Part 2. In *Beloe delo. Letopis' beloj bor'by.* Vol. 6. Berlin, 1928 (in Russian).

Submitted: 24 July 2017

Disclosure statement: The article is based on the materials which were previously used by the author in the monograph *The White Movement in Russia. 1920–1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia* (Moscow, 2013, Part 1.), published in a limited edition and virtually unknown to readers. The text from this monograph is historical sources, cited by the author, whereas the analytical part of this article is totally original.

For citation: Tsvetkov, Vasilij Zh. "Political and legal peculiarities of organization of judicial power and repressive system in the White Crimea in 1920." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 1 (2018): 175–197. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-175-197.